

Знаковые моменты

«Коммерсантъ»

Знаковые моменты / «Коммерсантъ»,

Третья книга – сборник статей из рубрики STORY журнала «Коммерсантъ ДЕНЬГИ» – в отличие от первых двух обращается не к судьбам отдельных людей или компаний, а к событиям глобального масштаба, раз и навсегда изменившим уклад, традиции, сами основы существования целых обществ, стран и континентов. Неудивительно, что весьма драматичную роль во всех этих историях играли деньги, причем порой самым неожиданным образом. Кто на самом деле разбогател на золотой лихорадке? Чьим экономическим интересам угрожал Павел I? Как быстро можно уничтожить весь Интернет? Ответы на эти и другие вопросы вы найдете в книге «знаковые моменты». Повседневная жизнь обычно проплывает перед нашими глазами неторопливой чередой малозначимых событий и почти бессмысленной суеты. И мы не можем разглядеть за этой убаюкивающей вереницей банальностей уже тлеющего запала мощнейшего взрыва – революционных перемен. Они не происходят вдруг, процесс развивается подспудно, незаметно – особенно для современников, а затем практически в одночасье меняется парадигма, самая основа существования общества, государства, науки, культуры. Сопровождающие же их (кстати, не всегда) политические потрясения – революции, перевороты, бунты, восстания – лишь верхушка айсберга, зримое воплощение гигантского слома. Третья книга – «знаковые моменты» (основанная, как и две предыдущие, на статьях, в разное время опубликованных в рубрике story журнала «Коммерсантъ деньги») – позволит вам наблюдать за такими глобальными драмами – как реально произошедшими, так и потенциальными – «с безопасного расстояния», не рискуя стать жертвой древнего проклятия «чтоб ты жил в интересное время».

© Коммерсантъ

Содержание

Владимир Гаков	6
Нестандартные методы Standard Oil	7
Грабли для навоза	9
Дорога на Уотергейт	11
Привычка к грязи	13
Анастасия Фролова	14
Визит дамы	15
Неслыханная травля	16
Финансовый гуру	17
Дело Кайо	18
Человек Германии	20
Тефлоновый политик	21
Марат Бирсенгалиев, Аркадий Борисов	23
Служил Гаврила террористом	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Знаковые моменты

Владимир Гаков

Цепные псы американской демократии

100 лет назад в США разразился первый шумный скандал, связанный с журналистским расследованием: журнал McClure's Magazine завершил почти двухлетнюю публикацию статей Иды Тарбелл, посвященных нечестной игре на рынке крупнейшей нефтяной компании Standard Oil. Результатом стало знаменитое решение верховного суда США от 1911 года о принудительном разделе Standard Oil. Так стартовала журналистика нового типа – muck-rake («разгребание грязи»), которая, можно сказать без преувеличения, изменила ход мировой истории.

На расследование деятельности Standard Oil Тарбелл потратила несколько лет

Нестандартные методы Standard Oil

Нефть, которая была известна как источник энергии еще в древности, до середины XIX века добывали лишь открытым способом. Только в 1859 году была пробурена первая скважина – в Тайтусвилле (штат Пенсильвания). После этого открытие в США очередного месторождения немедленно приводило к локальной нефтяной лихорадке, ничем существенным не отличавшейся от легендарных золотых или алмазных. С последними раннюю нефтедобычу роднил и царивший правовой беспредел: в середине позапрошлого столетия подземные ресурсы не находились ни в частной, ни в федеральной собственности и все решали удача и расторопность. Тот, кому повезло открыть нефтяные залежи, не мог легально закрепить месторождение за собой и доил его единолично лишь до тех пор, пока на то же место не слетались как пчелы на мед конкуренты. Возникавшие конфликты решались с помощью единственного работающего закона, проверенного еще во времена освоения Дикого Запада, – верного кольта или смит-энд-вессона.

Первоначально нефть использовали преимущественно для получения керосина, который служил топливом для домашних и уличных ламп. Поэтому в конце XIX века наибольший доход приносила не добыча сырой нефти, а ее доставка (сначала с помощью гужевого транспорта, а затем по железной дороге) на нефтеперегонные заводы и дальнейшая переработка в керосин. Именно этим и занялся в 1863 году Джон Рокфеллер, к 23-летнему возрасту успевший сколотить состояние на посреднических сделках. Он вложил \$4 тыс. в нефтеперерабатывающий завод в Кливленде, потом вместе с партнерами построил еще один и быстро стал заметным игроком на рынке нефтепродуктов, где тогда работали тысячи мелких фирм. Успех обеспечивали развитие профильной инфраструктуры (контроль над каналами доставки сырья, собственное производство сопутствующего ассортимента, например серной кислоты, бочек, клея, собственные же склады для хранения продуктов нефтепереработки и т. п.), а также внедрение технологических новинок. С помощью последних удавалось выгонять из сырой нефти больше керосина, нежели получали конкуренты, а кроме того, наладить успешную торговлю продуктами переработки: смазочными маслами, парафином, вазелином и воском.

Как следствие, Рокфеллер бил соперников и ценой, и качеством – и весьма успешно выдавливал их с рынка. К 1870 году, когда он основал компанию Standard Oil, завод в Кливленде стал крупнейшим в стране. В то же время компания занимала всего 4 % рынка, на котором работали 250 независимых производителей. Однако спустя четыре года ее доля выросла до 25 %, а к 1880 году – до 80-85 % (при этом число компаний-конкурентов сократилось до 80). К концу века монополист Рокфеллер владел танкерами, трубопроводами, многочисленными заводами и активно скупал сошедших с дистанции конкурентов, которые не могли или не хотели вкладываться в новые технологии, нефтехранилища и нефтепроводы (в отличие от Standard Oil), добился скидок у владельцев железных дорог, а кроме того, всячески сокращал производственные затраты. В результате за период с 1870-го по 1885 год цена на керосин упала с 26 до 8 центов за галлон.

В первые десятилетия XX века ситуация на рынке нефтепродуктов резко изменилась. Во-первых, лопнул его керосиновый сегмент: устаревшее осветительное топливо было окончательно вытеснено газом и электричеством. Зато образовался новый – бензиновый (до того бензин считался малопривлекательным отходом процесса переработки и продавался по 2 цента за галлон). Произошло это в связи с начавшимся автомобильным бумом: в 1900 году в США было 8 тыс. зарегистрированных автомобилей, а к 1912-му – уже 902 тыс. Над «керосиновой империей» Рокфеллера нависли тучи...

Еще в конце позапрошлого века угроза исходила из трех источников. Первым были американские конкуренты, с которыми, как уже было сказано, компания успешно разобра-

лась. Вторым – зарубежные, в основном российские: к 1900 году, передав богатейшие бакинские месторождения концерну Нобеля, построив первый в мире танкер «Зороастр» и наладив железнодорожное сообщение с Западной Европой, Россия обогнала США по нефтедобыче (208 тыс. баррелей в день против 170 тыс. американских). И наконец, в 1890 году произошло роковое для детища Рокфеллера событие: был принят первый антимонопольный закон (закон Шермана). 15 мая 1911 года Верховный суд США признал правомерным решение о принудительном расчленении Standard Oil, к тому времени контролировавшей лишь 65 % рынка, на несколько самостоятельных компаний: Standard Oil of New Jersey (с 1972 года – Exxon), Standard Oil of New York (трансформировавшуюся в Mobil Oil), Standard Oil of California (с 1984 года – Chevron) и др.

Была ли целью агрессивной ценовой политики Standard Oil монополизация рынка и была ли компания, основанная Рокфеллером, строго говоря, монополией (в статье, опубликованной в 1958 году известным экономистом Джоном Макги, это ставится под вопрос) – спорят и по сей день. Но что сделано – то сделано. В начале XX века американская общественность была шокирована публикациями Иды Тарбелл, разоблачавшими деятельность Standard Oil, и рукоплескала решению Верховного суда, приструнившего акул-монополистов. С тех пор право журналистов собирать и публиковать компромат на власть имущих – неважно, в политике или бизнесе, – в этой стране сомнению не подвергалось.

Грабли для навоза

По определению бывшего заместителя редактора газеты Newsday Роберта Грина, «журналистское расследование содержит три основных элемента: журналист копает там, где до него не копал никто; тема достаточно важна для читателя или телезрителя; есть силы, заинтересованные в сокрытии затронутых в расследовании фактов от общественности».

Сегодня в Америке этот жанр – один из надежных путей к славе и обогащению. В случае успеха автор расследования зарабатывает себе громкое имя, неизбежно выходят телевизионные ток-шоу, книги-бестселлеры – все эти дивиденды обычно превышают риски, связанные с возможными и часто весьма серьезными действиями против настырных журналистов, сующих нос куда не следует. Простым американцам нравится наблюдать, как выводят на чистую воду богатых и облеченных властью, причем подспудное желание быть свидетелем ниспровержения того, кому раньше повезло больше, чем тебе, обычно настолько сильно, что на корню подавляет скепсис по отношению к разоблачающей информации. Как бы то ни было, работает принцип «Что-то все-таки было – иначе не написали бы».

Иное дело – Америка начала прошлого века. Тогда от журналиста, решившего копать в сфере политики или бизнеса, тоже требовалось известное мужество, причем властная и бизнес-элита прессу просто не замечали. В отсутствие современных средств коммуникации первые «разгребатели грязи» проделывали работу, равную той, что сегодня составляет хлеб целой армии разного рода экспертов.

Ида Минерва Тарбелл родилась в 1857 году и стала единственным абитуриентом в юбке, поступившим в колледж Оллегени. В ту пору совместное обучение в американских университетах практиковалось лишь в виде эксперимента, вызывавшего повсеместную критику, и с туманной перспективой. Затем Тарбелл продолжила образование во Франции – в престижных Сорбонне и College de France.

О работоспособности и профессиональных качествах молодой журналистки свидетельствует такой факт. Во время ее учебы во Франции пришел заказ от McClure's Magazine: Иде поручили написать небольшую статью о трансатлантической телеграфной линии. Тарбелл отправилась в Лондон, побеседовала с европейским уполномоченным по прокладке линии, изучила все виды кабелей, представленные в Британском музее, проштудировала литературу по истории кабелей и даже посетила предприятия на окраине Лондона, чтобы ознакомиться с процессом их производства. Собранных Тарбелл сведений хватило бы на целую книгу, однако начинавшая журналистка считала, что они придадут статье необходимые убедительность и глубину.

Звездным часом для Тарбелл стало расследование деятельности компании Standard Oil, на которое журналистка потратила несколько лет. За это время она изучила сотни тысяч страниц документов, в поисках которых объездила всю страну, встретила с десятками бывших и действующих сотрудников Standard Oil, а также компаний-конкурентов, правительственными чиновниками, юристами, экспертами. Книга Тарбелл «История компании Standard Oil», которую историк Дэниэл Йергин назвал самой важной из когда-либо написанных книг по истории большого бизнеса, вышла через год после окончания журнальной публикации и стала первым журналистским расследованием, достигшим статуса национального бестселлера.

К тому, что нефть – дело грязное, американское общество уже успело привыкнуть. Как и к тому, что любая успешная компания объективно стремится к монополизации рынка, поскольку старается предложить потребителю товары лучше и дешевле, чем у конкурентов. Однако пафос книги был направлен не против нефтяного бизнеса и не против монополий вообще, а конкретно против тех методов (по мнению Тарбелл и косвенно поддержавшего ее Верховного суда, незаконных), которыми пользовалась Standard Oil. Свою позицию автор двух-

томного труда объяснила так: «У меня никогда не было предубеждения относительно их богатства и размеров, я ничего не имела против их корпоративной структуры. Мне хотелось, чтобы они объединялись и становились настолько крупными и богатыми, насколько возможно, но только законными методами. Однако они никогда не вели честной игры, и я утратила благоговение перед ними».

Самое любопытное, что 100 лет назад никому в Америке, в том числе главному «обвиняемому» – Рокфеллеру, и в голову не пришло приструнить зарвавшуюся журналистку. Глава Standard Oil лишь что-то буркнул в том смысле, что «собака лает», а президент Теодор Рузвельт, раздраженный скандалами, связанными с публикациями Тарбелл и других журналистов (о них ниже), ограничился тем, что презрительно обозвал их «разгребателями грязи». Впоследствии это стало общеупотребительным термином. По американскому Webster's New World Dictionary, второе значение существительного muck-rake (буквально «грабли для навоза») – это «поиск и публикация фактов (реальных или утверждаемых голословно) коррупции в политике и т. д.». Популярный англо-русский словарь Мюллера дает и более резкое толкование: «любитель копаться в скандальной хронике и предполагать дурные мотивы поступков».

История со Standard Oil положила начало еще одной практике, теперь привычной и для нас, – PR-кампаниям. После разоблачений Тарбелл основательно пошатнулась репутация живой легенды Америки – нефтяного магната Рокфеллера. У главы Standard Oil пошли неприятности с компаньонами, внутри фирмы, даже в семье, и тогда он, по выражению историков public relations, «выпустил джина PR из бутылки». Нанятый магнатом журналист Айви Ли, известный в деловых кругах, выстрелил серией хорошо подготовленных статей в крупнейших газетах, причем в этих публикациях акцент был сознательно смещен с предпринимателя и богача Рокфеллера на Рокфеллера-примерного мужа и любящего отца семейства. Расчет оказался верным: сентиментальные американцы вернули «старине Джо» кредит доверия, хотя это и не спасло его компанию.

Дорога на Уотергейт

Вскоре после публикаций в McClure's Magazine, прославивших Иду Тарбелл, она перешла в другой журнал – American Magazine, где проработала до 1915 года. Впоследствии Тарбелл занялась вольной журналистикой и публицистикой, написав два десятка книг, например биографии Наполеона и Линкольна (последнему Тарбелл посвятила целых восемь томов!). Также были опубликованы ее размышления о природе бизнеса, в том числе профессиональное исследование тарифной политики, и о роли женщин в обществе.

Одна из самых знаменитых американок XX века, своим профессиональным успехом затмившая претензии сильного пола на главенствующую роль в журналистике, Тарбелл тем не менее находилась в натянутых отношениях с предшественницами современных феминисток – суфражистками. В ответ на их кредо – «Этот гнусный, жестокий и коррумпированный мир создан мужчинами и для мужчин, и исправить его под силу только женщинам» – Тарбелл могла бы процитировать нашего «отца народов»: «Оба хуже». Сама она придерживалась вполне традиционного взгляда на место женщины в этом мире, себя же считала исключением. При этом она признавала, что дорого заплатила за успех в традиционно мужской профессии: свои восемь с лишним десятков лет Тарбелл прожила в одиночестве – без мужа, детей и друзей.

Помимо всего прочего, Ида Тарбелл прославилась тем, что в разное время отказала двум влиятельным американцам, решившим с помощью ее имени пропихнуть собственные затеи. Генри Форд предложил Тарбелл присоединиться к широко разрекламированной им акции: автомобильный магнат решил организовать в 1914 году вояж знаменитостей на Корабле мира в Европу с целью предотвращения мировой войны. Однако знаменитая журналистка сочла этот план абсолютно нереалистичным и откровенно пропагандистским. Не вызвало у нее энтузиазма и предложение президента Вудро Вильсона занять пост в комиссии по тарифам, где до того заседали одни мужчины. Тарбелл заявила, что в своих книгах и статьях уже сказала о тарифах все, что нашла разумным и здравым, и добавить ей нечего.

Не прошли незамеченными и ее неоднократные отказы написать автобиографию – совершенно нетипичная история для соотечественников Тарбелл, которым улыбнулась фортуна. «Бабушка американской журналистики» сдалась, лишь разменяв девятый десяток, незадолго до смерти (она скончалась в 1944 году).

McClure's Magazine стал стартовой площадкой и для другого знаменитого «разгребателя грязи» – Линкольна Стеффенса, которого прославили репортажи, обличавшие коррупцию в администрациях крупных американских городов. Его сенсационная книга «Позор городов» вышла в том же году, что и произведение Тарбелл. Однако профессиональной репутации журналиста повредила его политическая ангажированность: разделявший модные тогда социалистические идеи Стеффенс побывал в советской России, встречался с Лениным и не скрывал своего восхищения большевиками.

Эстафету подхватил еще один известный левак – писатель Эптон Синклер, первым среди американцев удостоенный Нобелевской премии в области литературы. Ярлык «разгребателя грязи» прилип к нему после выхода социологического романа «Джунгли» (1906), посвященного жестоким нравам на крупнейших в стране чикагских бойнях (для получения достоверной информации писатель устроился работать на одну из них). В отличие от Тарбелл, стремившейся облагородить капитализм, очистить его от произвола монополий, Синклер ставил перед собой задачу прямо противоположную: на конкретном примере продемонстрировать обществу изначальную порочность капиталистического производства.

Однако общество увидело в романе иное: жуткую антисанитарию, среди которой обрatabывалось мясо, предназначенное для стола добропорядочных граждан. И в 1906 году президент Рузвельт, которого трудно было заподозрить в симпатиях к «разгребателю грязи», да еще

социалисту, под давлением общественного мнения подписал два федеральных закона, ставших базой для усиления государственного влияния на большой бизнес: о контроле за мясом и о качестве пищевых продуктов и лекарств.

Следующие классические примеры разоблачительных расследований появились уже после Второй мировой войны. В 1946 году бывший военный корреспондент Джон Херси выпустил книгу-репортаж «Хиросима». В ней будущий видный американский прозаик поразил соотечественников альтернативной правдой о героических парнях, сбросивших первую атомную бомбу на японский город.

Полтора десятилетия спустя, в 1962-м, нацию взбудоражили сразу две документальные книги: «Молчаливая весна» Рэйчел Карсон, первый яркий образец экологического «алармизма», и «Другая Америка» Майкла Харрингтона, открывшая глаза богатой Америке на параллельное с нею существование иной – бедной. А в 1970 году вышел шокирующий репортаж известного журналиста Сеймура Херша «Май Лай 4», посвященный трагедии в южновьетнамской деревушке Май Лай, у нас более известной как Сонгми. Результатом этого расследования, несмотря на активные попытки президентской администрации и высшего военного командования замять скандал, стал знаменитый процесс над лейтенантом Колли, по приказу которого американские солдаты вырезали население деревни, не пощадив даже женщин и детей.

Но вершиной деятельности журналистов-«грязекопателей» стал «Уотергейт», в 1973 году потрясший всю вертикаль американской власти по самую маковку. Если бы не поразительная упертость двух сотрудников газеты The Washington Post – Боба Вудворда и Карла Бернштейна, которые с тех пор превратились в легенду, администрации Никсона, скорее всего, удалось бы замять скандал, связанный с проникновением агентов Белого дома в предвыборный штаб демократической партии в 1972 году. Во всяком случае, на это были брошены все имевшиеся в наличии силы. В печать просочились тщательно разработанные cover stories («легенды прикрытия» – версии, отвлекающие внимание от истинной подоплеку инцидента), сотрудники Никсона нажали на все доступные им кнопки влияния, а самих Вудворда и Бернштейна подвергли разнообразному давлению: от попыток подкупа до организации компромата и угроз физического устранения. Любопытно, что руководство конкурирующей газеты The New York Times, в распоряжении которой также оказались компрометирующие президента материалы, в отличие от столичных коллег поддалось прямому нажиму Белого дома. Опубликованная в 1974 году книга Вудворда и Бернштейна «Вся президентская рать» принесла авторам славу и премии (став, естественно, бестселлером), а американскому обществу вернула веру в то, что законы писаны и для президентов.

Привычка к грязи

Для миллионов американцев пионеры разоблачительной журналистики по сей день остаются эталоном гражданского мужества и верности профессии. СМИ в этой стране видятся цепным псом, охраняющим общество от произвола властей, исполнительной, законодательной и судебной, и крупных корпораций, то и дело пытающихся диктовать свою волю рядовому потребителю. Еще более укрепили это реноме недавние громкие «дела» таких гигантов, как Enron, Global Crossing и WorldCom.

Здесь уместно упомянуть, что после событий 11 сентября 2001 года США, по мнению многих аналитиков, начали «леветь» – с угрожающей скоростью дрейфовать в сторону госрегулирования всего и вся. Последовательных либералов усиливающееся влияние государства сильно беспокоит, но большинство перепуганных американцев готовы, кажется, пожертвовать ради национальной безопасности свободами, всегда считавшимися главным национальным достоянием.

В этой связи неудивителен недавний успех бестселлера «Грошовая жизнь: как (не) прожить в Америке» журналистки Барбары Эренрейч, которую коллеги уже окрестили второй Идой Тарбелл. Решив проверить, можно ли существовать в богатейшей стране мира на гарантированную законом минимальную ставку почасовой оплаты (в 1998 году она составляла больше \$6), Эренрейч год проработала домработницей, горничной в отеле, медсестрой в ночлежке, официанткой и продавцом в супермаркете. Основные выводы книги: не существует такого понятия, как «неквалифицированный труд»; прожить на минимальную оплату сегодня в Америке физически невозможно (проще получать пособие по безработице); следовательно, федеральная власть должна вмешаться и навести порядок.

Оппоненты этой точки зрения тоже вспомнили о Тарбелл, но в другой связи. В ряде недавних публикаций журналистке попеняли и за отсутствие специального экономического образования, и за излишнюю демонизацию образа Рокфеллера. Упомянули и личные мотивы. Дело в том, что отец Тарбелл сам занимался нефтяным бизнесом и потерпел на этой ниве неудачу. И вообще, мол, не так страшны монополии, как их малюют падкие на грязь малограмотные и пристрастные журналисты. А столетней давности нападки на Standard Oil всего лишь негодные попытки правительственных бюрократов наложить лапу на процветающий бизнес и рыночные свободы.

Знакомство с сегодняшней полемикой вокруг легендарных «разгребателей грязи» рождает странное чувство, будто все это происходило не раз и буквально рядом. Хотя отличие от нашей Думы, к примеру, все-таки имеется: в Америке даже критики журналистских расследований признают, что подобная «грязете-рапия» имеет право на существование. Действительно, ее целительные для общества свойства очевидны. Вопрос только в том, когда и при каких заболеваниях использовать «грязелечение» и кто это будет делать: специалист или лекарь-дилетант.

Анастасия Фролова

Первые выстрелы Первой мировой

16 марта 1914 года в редакции парижской газеты «Фигаро» прозвучали один за другим шесть выстрелов. Стреляла Генриетта Кайо – жена известного французского политика, министра финансов Жозефа Кайо. Через несколько часов главный редактор газеты Гастон Кальметт скончался от полученных ран в больнице. Это было одно из трех убийств, проложивших дорогу к первой мировой войне.

– Ты будешь заниматься политикой, мой мальчик. У тебя есть возможность сделать карьеру в Сарте, но будь осторожен, сынок, будь осторожен, опасайся своего взрывного характера.

Эжен Кайо не ошибся. Его сын Жозеф очень рано стал депутатом парламента и, как и отец, министром финансов. Он унаследовал от отца не только способности финансиста и политика, но и весьма значительное состояние и положение в обществе. На этом сходство заканчивалось: если Кайо-отец был католиком, убежденным монархистом и вообще человеком последовательно правых взглядов, то Кайо-сын был переменчив и одно время даже считался общепризнанным лидером левых сил. Жозеф Кайо был крайне высокомерен, не упускал возможности подчеркнуть свое интеллектуальное превосходство и всюю пользовался преимуществами обладателя крупного состояния, да и вообще умел удивительно легко возбуждать неприязнь. В истории Франции начала XX века он трижды сыграл существенную роль. Сначала как финансист, годами добивавшийся и добившийся-таки введения прогрессивного подоходного налога. Затем как премьер-министр, урегулировавший в 1911 году агадирский кризис, когда Германия покушалась на французский протекторат Марокко. И наконец, как муж собственной жены, пошедшей ради него на преступление: в 1914 году дело Генриетты Кайо затмило для французов, да и для многих других европейцев, приближающуюся европейскую катастрофу.

«Я убила его, чтобы научить его жить»

Визит дамы

Утром 16 марта 1914 года Жозеф Кайо предупреждает жену: «Послушай, если Кальметт будет публиковать нашу переписку, я набью ему морду». Но Генриетта Кайо не стала ждать. Проводив мужа, она отправляется в знаменитый магазин оружия Гастин-Ренетта, где ей советуют купить браунинг: женщине легче с ним управляться, чем с револьвером. Генриетта просит разрешения потренироваться в тире, расположенном в подвале магазина. Результат вполне приличный: три пули из пяти достигают цели. Ей объясняют, как заряжается оружие. Выйдя на улицу и сев в экипаж, она досылает патрон в патронник, ставит браунинг на предохранитель и едет в банк, чтобы забрать кое-какие бумаги. Потом возвращается домой и пишет мужу: «Мое терпение кончилось».

Ближе к вечеру Генриетта Кайо в элегантном туалете и меховом манто входит в редакцию газеты «Фигаро» и просит аудиенции у главного редактора. Она терпеливо ждет больше часа, пряча руки в пушистой муфте. Наконец появляется Кальметт и интересуется целью неожиданного визита. «Вы знаете, зачем я здесь», – слышит он в ответ. Почти одновременно с этими словами раздались выстрелы. Генриетта Кайо выпустила шесть пуль в Кальметта с расстояния нескольких метров. Кальметт инстинктивно пригнулся, и первые две пули попали в книжный шкаф за его спиной, но четыре последующие тяжело ранили его в живот. «Не притрагивайтесь ко мне. Я дама!» – решительно останавливает Генриетта сотрудников редакции, вбежавших в кабинет. «Я исполнял свой долг. То, что я сделал, я сделал не из ненависти», – произносит Кальметт, когда его увозят в клинику Нейи. Медики долго не решаются на операцию, а когда она в конце концов сделана, уже слишком поздно. В тот же день Кальметт умер.

Арестованная Генриетта Кайо заявила, что «только револьвер мог остановить травлю», а на суде объяснила свой поступок фразой, которая стала знаменитой: «Я убила его, чтобы научить его жить». Урок по достоинству оценили многие. В письме Инессе Арманд Ленин спрашивал свою подругу: «Какое впечатление произвел на тебя *le geste de M-me Caillaux*? Признаться, не могу отделаться от чувства некоторой симпатии: я думал, в этой среде одна про-дажность, трусость и подлость, а тут вдруг бой-баба *leson* дала решительный!!!»

Неслыханная травля

Даже по сегодняшним меркам, когда война компроматов стала заурядной частью политической жизни, ожесточенное преследование Кайо в «Фигаро» производит сильное впечатление. С 9 декабря 1913 года, когда Кайо стал в очередной раз министром финансов, до 16 марта 1914 года было опубликовано 110 статей, целью которых было навсегда погубить его репутацию. Среди предъявленных обвинений соединение политических функций с президентством в наблюдательном совете иностранного банка и поддержка финансиста Рошетта, осужденного за мошенничество. Традиционным обвинением было непатриотичное поведение во время агадирского кризиса и лицемерная защита прогрессивного налога. Наконец дело дошло и до личной жизни.

Отчасти Кайо был виноват в этом сам. Дело в том, что его личная жизнь была для того времени весьма необычной. Он был дважды женат, и оба раза его женами становились его любовницы. Первая жена, Берта Гейдан, перехватила письма Кайо к его тогдашней пассии Генриетте Ренуар. В момент развода Кайо получил эти письма обратно, но Берта предусмотрительно оставила себе копии. В начале 1914 года эти письма попали к Кальметту от Берты вместе с ее собственными. Вскоре читатели «Фигаро» были в подробностях осведомлены обо всех перипетиях жизни Кайо между 1900-м и 1906 годом.

Кайо пытается прекратить публикации, обратившись за помощью к президенту Раймону Пуанкаре. Он боится, что кроме личной переписки к Кальметту попали документы, связанные с агадирским кризисом. В момент кризиса германское посольство в Париже и руководство Германии обменялись тремя телеграммами, в которых, в частности, шла речь о секретных переговорах Кайо. Пуанкаре уверяет Кайо, что Кальметт как истинный джентльмен никогда не опустится до публикации интимных подробностей, а о неразглашении дипломатической тайны Пуанкаре берет на себя. Но Кайо не верит: Кальметт уже обещал читателям опубликовать все письма за подписью «Твой Жо» и «Твоя обожаемая Рири», в которых женатый респектабельный политик и замужняя дама изливают свои чувства, как влюбленные школьники. Понимая, что переходит все границы приличий, Кальметт предваряет публикации обращением к читателям: «Это решительный момент, когда не следует отступать ни перед какими шагами, как бы они ни были болезненны для наших нравов, как бы их ни осуждал наш вкус и наши привычки. Впервые за мои 30 лет в журналистике я публикую частное интимное письмо вопреки желанию его владельца и его автора, и мое чувство собственного достоинства от этого испытывает истинные страдания».

Зачем, собственно, Кальметту было так мучиться, не совсем понятно. Очевидно, что публикация подобной переписки несколько выходит за рамки исполнения долга, о котором говорил умирающий Кальметт. Известно, что он был весьма богат. Ходили слухи о том, что он получал деньги от Венгрии и Германии, что его использовали политические противники Кайо в руководстве Франции, и даже о том, что неутолимая мстительность Кальметта объяснялась глубоко личными мотивами. В любом случае Кальметту удалось, хотя и ценой собственной жизни, погубить политическое будущее Кайо. На следующий день после убийства Кайо подал в отставку.

Финансовый гуру

Жозеф Кайо родился в городе Манс в 1863 году. Он блестяще окончил лицей, но провалился на устном экзамене в престижную Эколь Политекник и поступил на работу в финансовую инспекцию. В течение десяти лет, до 1898 года, он в качестве финансового инспектора ездит по стране, после чего, вспомнив, вероятно, предсказание отца, решает выставить свою кандидатуру на парламентских выборах в Сарте и побеждает с перевесом в 1200 голосов местного кандидата, став в 35 лет едва ли не самым молодым депутатом. С тех пор Кайо не только не проиграл в своей жизни ни одних выборов, но всегда бывал избран в первом туре.

Когда к власти во Франции приходит Вальдек-Руссо, Кайо, поддерживавший его еще в парламенте, попадает в правительство. С 1899-го по 1902 год продолжается его первый министерский срок. Как министр финансов он прославился тем, что добился введения прогрессивного подоходного налога взамен старой системы налогообложения, в основе которой лежали четыре налога, унаследованные от времен Директории. Налогами облагались главным образом внешние признаки богатства, а не денежные доходы населения. Одним из «старых» был, к примеру, весьма экзотический «налог на окна и двери», не слишком благоприятный для архитектурного облика зданий.

Подоходный налог в течение почти 20 лет вызывал во Франции настоящие битвы, особенно в период предвыборных кампаний. Радикалы и социалисты, естественно, считали подобный налог справедливым, а консерваторы рисовали последствия его введения в апокалиптических тонах. При этом экономические взгляды представителей радикальной партии были довольно своеобразными: они недолюбливали деньги, но при этом трепетно относились к собственности. Поэтому радикалы выступали за налог на доходы, но не на капитал.

Хотя Кайо интересовался налоговой системой с самого начала своей политической карьеры и был известен как автор брошюры «Налоги во Франции», его отношение к подоходному налогу менялось. Для начала, в феврале 1901 года он вводит понятие прогрессивного налога на наследство, предложив ставки от 1 до 18,5 %. Летом того же года подоходный налог обсуждает парламент.

С 1902-го по 1906 годы Кайо заседает в парламенте, не слишком интересуясь идущими там дебатами. Он больше занят отношениями с Бертой Гейдан и приумножением семейного состояния, цинично рассуждая о том, что места в административных советах и посты в коммерческих банках от него, бывшего министра и финансового инспектора, никуда не уйдут.

Второй министерский срок Кайо пришелся на 1906-1909 годы. Кайо в начале 1907 года вносит проект налоговой реформы, в соответствии с которым предлагается упразднить существующие прямые налоги и заменить их фиксированными налоговыми ставками на разные категории доходов: 3% – на трудовые доходы, 3,5 % – на смешанные доходы от труда и капитала (сюда относятся торговля, промышленность и сельское хозяйство) и 4 % – на движимое и недвижимое имущество. В случае если доход превышает 5 тыс. франков, он облагается дополнительным налогом (от 0,2 % – для 5 тыс. до 4 % – для 100 тыс. и более). Кроме того, взимается глобальный подоходный налог, охватывающий все виды доходов. От граждан требуется заполнение налоговых деклараций.

Проект вызвал, естественно, энтузиазм левых и протесты правых; к тому же уровень финансовой грамотности парламентариев оставлял желать лучшего и тонкости новых налогов были им непонятны. Тем не менее в 1909 году предложенный Кайо закон с рядом смягчающих поправок был принят парламентом, правда, до его утверждения сенатом прошло еще несколько лет. Окончательная версия вступила в силу всего за две недели до начала Первой мировой войны, когда Кайо-финансист уже никого не интересовал: на авансцену вышел Кайо-муж и любовник.

Дело Кайо

«Весь Париж, вся Франция, весь мир жадно начали следить за этим процессом, не пропуская ни одного слова. Всех, как самое кровное дело, занимал вопрос: может ли женщина, защищая свое честное имя, убить того, кто хотел ворваться в ее личную жизнь и опозорить через читаемую всеми газету ее и мужа? Героиня она или преступница? Будет ли оправдана она или осуждена? Неужели французский суд пошлет на гильотину ту, которая своим судом расправилась с этим интриганом Кальметтом?» Так описывает общественный резонанс, который получило дело Кайо, русский писатель Сергеев-Ценский в эпосе «Преображение России».

Защищал Генриетту Кайо знаменитый адвокат Фернан Лабори, прославившийся на процессе Дрейфуса и защищавший писателя Эмиля Золя. В основу линии защиты он положил тезис о том, что Генриетта совершила «преступление страсти», или, говоря современным языком, преступление в состоянии аффекта. В то время во Франции подобные преступления, особенно совершенные женщинами, пользовались большой популярностью и присяжные часто оправдывали подсудимых. Основная задача Лабори состояла в том, чтобы убедить присяжных в отсутствии умысла, а заодно воззвать к их патриотизму: вместо того чтобы наказывать его клиентку, следует «приберечь наш гнев для наших врагов». Сама мадам Кайо во всем винила «нервный срыв» и утверждала, что пистолет «просто выстрелил». Показания Генриетты опирались одновременно на романтически-литературные представления о женщине, которая находится во власти страстей, и новые для того времени научные и медицинские данные о функционировании нервной системы и бессознательных поступках. Литературные параллели вызывали сочувствие у публики, криминальная психология делала Кайо неподсудной.

Представитель обвинения Шарль Шеню ставил под сомнение женскую природу мадам Кайо, пытаясь показать, что Генриетта не обыкновенная женщина, а просто-таки железная леди, которая пошла на преступление сознательно и снисхождения не заслуживает. А адвокату мадам Кайо удалось найти статьи покойного Кальметта, в которых тот оправдывал тех, кому приходится силой заставлять молчать клеветников...

Тем временем Кайо в соответствии со своей взрывной натурой вызвал на дуэль человека, нанесшего ему оскорбление; дуэлянты выпустили друг в друга дюжину пуль, но ни один из них даже не был ранен. Остряки не преминули заметить, что Кайо стреляет «хуже своей жены». Зато что он умел делать по-прежнему прекрасно, так это завоевывать голоса избирателей. На выборах в национальную ассамблею Кайо победил, причем, как всегда, в первом туре. По сравнению с выборами 1910 года политик, которого в течение нескольких месяцев мешали с грязью в центральной прессе, да к тому же муж убийцы, потерял всего 700 голосов. В Сартре, видимо, не читали «Фигаро», а те, кто читал, посылали мадам Кайо в тюрьму Сен-Лазар букеты цветов. Журналисты «Фигаро», возмущенные таким пренебрежением их мнением, поспешили раскритиковать «порочный» институт всеобщего избирательного права, допустивший переизбрание «преступного плутократа».

Вообще, дело Кайо стало звездным часом французской прессы. Едва ли не каждый номер каждой газеты открывали сообщения из зала суда. Газеты не только пересказывали ход заседаний, но и активно формировали общественное мнение, разумеется, в соответствии с собственными политическими взглядами. Левые издания симпатизировали мадам Кайо, приводили аргументы в пользу ее страстности и женственности и описывали ее как жертву трагических обстоятельств: «Опустив глаза, с бледным лицом и светлыми волосами мадам Кайо казалась искренне погруженной в свое горе». Правые, прежде всего «Фигаро», выступали за злой умысел и представляли Кальметта в роли страдальца за правду. Мадам Кайо для них – безжалостное, «почти бесполое существо с тонким носом, тонкими губами и тяжелым профилем».

Публикации оказывали колоссальное влияние на присяжных, тем более что не прислушаться к мнению прессы в этом деле нельзя было еще и потому, что в конечном счете именно пресса была прямой виновницей преступления.

Суд продолжался семь дней. Присяжные выбирали между оправдательным приговором и минимальным тюремным сроком – пять лет. 28 июля 1914 года после совещания, длившегося меньше часа, присяжные вынесли вердикт: Генриетта Кайо невиновна в убийстве Гастона Кальметта. Жюри, состоявшее исключительно из мужчин, пришло к выводу, что убийство было совершено неумышленно и без преступного намерения. На пороге здания суда супруги Кайо были встречены бурными аплодисментами и столь же энергичной бранью. Несколько часов ранее Австро-Венгрия объявила войну Сербии. До вступления Франции в Первую мировую войну оставались считанные дни...

Человек Германии

Впрочем, война Франции и Германии могла бы начаться и раньше, если бы не Жозеф Кайо. Именно он в 1911 году сыграл решающую роль в урегулировании агадирского инцидента. В начале XX века европейские державы боролись за влияние в Северной Африке. В апреле 1911 года французские войска оккупировали столицу Марокко под предлогом защиты от нападения берберов. Германия, хотя и признала еще в 1909 году особые интересы Франции в Марокко, сочла, что введение войск – это уже слишком, и послала к берегам Марокко свой боевой корабль «Пантера» для обеспечения интересов Германии и германских бизнесменов в связи с угрозой вторжения Франции в Марокко. «Пантера» вошла в порт Агадир в Атлантическом океане 1 июля 1911 года.

За пять дней до этого премьер-министром Франции и министром внутренних дел стал Жозеф Кайо. Именно ему предстояло урегулировать агадирский кризис вопреки противодействию французской «партии войны». Министр иностранных дел Франции выступил перед национальной ассамблеей с речью, в которой назвал поступок Германии «недопустимой провокацией». На самом деле война была невыгодна Франции, отстававшей в техническом отношении и к тому моменту еще не принявшей закон о продлении воинской службы до трех лет. В результате засекреченных переговоров с немцами Кайо добился заключения в ноябре 1911 года компромиссного соглашения, по которому Германия признала протекторат Франции в Марокко в обмен на 275 тыс. кв. км территории Конго и Камеруна. Французские патриоты были в бешенстве, но и немцы остались недовольны сделкой, в результате которой им досталось «10 млрд мух цеце».

Дипломатический успех дорого обошелся Кайо. Обиженный министр иностранных дел, с чьим мнением Кайо не посчитался, в январе 1912 года подал в отставку, что в соответствии с законами Третьей республики означало отставку всего кабинета. Так закончился недолгий период пребывания Кайо на вершине власти, добавивший к его репутации блестящего финансиста сомнительные лавры пацифиста и сторонника сделок с врагом. Подозрения в том, что Кайо – человек Германии, вновь всплыли в 1913 году, когда Кайо выступил против продления срока военной службы до трех лет. Он не скрывал, что, объединившись с лидером социалистов Жаном Жоресом и придя к власти, он бы попытался предотвратить надвигающуюся мировую войну или по крайней мере избежать участия в ней Франции.

Но все сложилось иначе. Президентом становится Раймон Пуанкаре, прозванный Пуанкаре-война. В июне 1914 года в Сараево убит эрцгерцог Франц Фердинанд. Дело Кайо лишило Жозефа Кайо шансов стать премьером и обратиться к Жоресу, к тому же спустя три дня после вынесения оправдательного приговора Генриетте Кайо Жан Жорес был застрелен. Во время допроса его убийца сообщил, что готовил покушение на Кайо, но после выстрела мадам Кайо необходимость в этом отпала: Кайо и так был уже политическим трупом.

Тефлоновый политик

Однако ультраправые рано радовались. Жозеф и Генриетта Кайо покидают Францию, но Кайо и во время войны ведет себя крайне рискованно и не оставляет попыток инициировать мирные переговоры. Путешествуя по Латинской Америке, Кайо встречается с графом Жаком Минотто. Минотто, чей отец был австрийцем из итальянского дворянского рода, а мать немкой, родился и вырос в Берлине, перед войной работал в представительствах Дойче-банка в Нью-Йорке и Лондоне. После начала Первой мировой войны Минотто направляется в Нью-Йорк, где встречается с немецким послом, а затем устраивается на работу в американскую Guaranty Trust Company. В октябре 1914 года компания направляет Минотто в Латинскую Америку для выяснения экономической и политической обстановки. Считается, что на самом деле Минотто, будучи германским агентом, должен был выяснить возможные механизмы финансирования германской военной кампании, после того как лондонский финансовый рынок оказался закрыт для немцев. Граф Минотто публично появлялся вместе с четой Кайо в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу, в Уругвае и Буэнос-Айресе. По возвращении во Францию Кайо и его жена жили в Биаррице в качестве гостей Поля Боло-Паши, который также был если не шпионом, то, во всяком случае, агентом влияния Германии в США и Франции. Позже, в 1915 году, Минотто и Боло-Паша также встречались с четой Кайо. После возвращения в США Минотто в 1916 году попытался поступить на работу в американскую морскую разведку и был арестован по обвинению в прогерманской деятельности, а Поля Боло-Пашу французские власти арестовали в Париже в сентябре 1917 года, признали виновным в сборе средств для врага нации с целью организации антивоенного движения во Франции и приговорили к смерти. Он был расстрелян в апреле 1918 года.

Судьба Кайо сложилась не так печально. После того как премьером в 1917 году стал Жорж Клемансо, он инициировал процессы против французских пацифистов. Кайо был обвинен в измене родине, лишен депутатской неприкосновенности, а в январе 1918 года арестован. Клемансо хотел дождаться победы союзников, прежде чем начинать суд над Кайо, поэтому процесс состоялся только через два года. В 1920 году Верховный суд приговорил его к трем годам тюрьмы и десяти годам лишения гражданских прав за «нанесение ущерба внешней безопасности государства»; обвинение в измене родине было снято. Затем приговор был смягчен, и Кайо вместе с женой покинул страну. В 1924 году к власти во Франции пришли левые и объявили амнистию, так что Кайо смог вернуться в Париж, а в 1925 году – и в политическую жизнь. Сначала он был избран в сенат, затем временно занял привычное место министра финансов во французском правительстве, после чего многие годы возглавлял сенатскую комиссию по финансам.

Последний раз Жозеф Кайо активно вмешивался в политику перед Второй мировой войной. Он поддерживал идею заключения мирного соглашения с Гитлером, а позже одобрил мюнхенский сговор, но когда возникло коллаборационистское правительство в Виши, участвовать в нем не стал. Кайо умер 22 ноября 1944 года в Мамере. Мало кто заметил уход из жизни одного из самых ярких французских политических деятелей первой половины XX века, чьей биографии вполне хватило бы на несколько жизней.

Сейчас Жозефа Кайо назвали бы тефлоновым политиком. Никакой Билл Клинтон не идет с ним в сравнение. Такое количество скандалов, которые выпали на долю Кайо, пожалуй, трудно припомнить в связи с какой-нибудь другой личностью. Обвинения в измене и предательстве, в финансовой недобросовестности и аморальной личной жизни, в политической беспринципности и в том, что он заставил жену пойти на убийство, чтобы спасти свою репутацию... Любого из них было бы достаточно, чтобы навсегда сделать обвиняемого персоной нон грата в политике. Публикации в прессе, которая едва ли не впервые преступила все законы

профессиональной этики, погубили-таки репутацию Кайо, спровоцировав убийство и помешав ему прийти к власти, но пресса же оказала решающее влияние на исход судебного процесса и спасла мадам Кайо от приговора. Кайо был, несомненно, идеальным персонажем газетной хроники, который никого не оставлял равнодушным. Одних он раздражал и возмущал, другие им восхищались и завидовали. Многочисленные скандалы позволяли газетам бесконечно обсуждать «кровавого Кайо», «богача Кайо», «зазнайку Кайо», «коррупционера Кайо», «предателя Кайо», а его невозмутимое высокомерие только подогревало интерес публики.

За громкими делами и первополосными заголовками так и остался без ответа вопрос о том, каков был на самом деле этот человек. Был ли это несостоявшийся французский Ленин, который, по мнению некоторых конспирологов, мог совершить большевистский переворот во Франции, или просто политик, считавший за благо для своей родины неучастие в мировой войне? Был ли это министр, сумевший за короткий срок перестроить налоговую систему Франции в соответствии с требованиями времени, или ловкий финансист, использовавший служебное положение для собственного обогащения? Были ли его отношения с женой столь идиллическими, как он демонстрировал во время суда, или это был пиар, рассчитанный на присяжных? Одно несомненно: супруги Кайо сыграли в истории роль, достойную романа.

Марат Бирсенгалиев, Аркадий Борисов

Право первой пули

«Убили, значит, Фердинанда-то нашего» – так начал самую смешную книгу о Первой мировой войне Ярослав Гашек.

В советских школьных учебниках происшедшее излагалось тоже предельно ясно: плохой наследник австрийского престола Франц Фердинанд приехал в Сараево, где и был застрелен хорошим юношей Гаврилой Принципом, членом тайных организаций «Млада Босна» и «Черная рука». В чем эрцгерцог провинился перед сербами, нигде не уточнялось, но, как представитель царизма, права на жизнь он явно не имел. И все же любой внимательный человек, изучая документы той эпохи, увидит массу нестыковок в этой чересчур простой на первый взгляд истории.

У эрцгерцога не было ни малейшего шанса

Служил Гаврила террористом

Главная нестыковка заключалась в том, что именно руководству Сербии убийство эрцгерцога в конце июня 1914 года было чрезвычайно невыгодно. Буквально за две недели до покушения в Белграде произошел очередной дворцовый переворот и международный авторитет государства упал практически до нуля. Только что закончились две балканские войны, полностью истощившие государственную казну, запасы снарядов и патронов. Совсем недавно дружественно (по балканским меркам) настроенные к сербам болгары и албанцы стали их злейшими врагами, а в присоединенной Македонии шла гражданская война. И установление хороших отношений с Австро-Венгрией было серьезной задачей государства.

После так называемой свиной войны между Австрией и Сербией – торгового конфликта, произошедшего из-за слишком высокого качества сербской свинины, которую за Дунаем покупали гораздо охотнее венгерской, – убытки понесли обе стороны. И как раз к началу 1914 года с обеих сторон начались попытки к увеличению солидного некогда товарообмена и, что чрезвычайно важно, обсуждалось строительство железной дороги Вена – Салоники, которая проходила бы через сербскую территорию.

Необходимость мира понимали даже в союзе высших офицеров сербской армии «Черная рука». Ее руководящий орган 15 июня проголосовал против покушения на Франца Фердинанда. Предлог выбрали следующий: сначала нужно убить тезку эрцгерцога, Фердинанда Болгарского (который был действительно злейшим врагом Сербии, а также России). Как претворялось в жизнь это решение, сказать трудно. Но причастность «Черной руки» к покушению на эрцгерцога так и не доказали. Недоказанной осталась и передача ею револьвера и бомбы мальчишкам из «Млады Босны». А уж заниматься тайной переправкой австрийских граждан Принципа со товарищи в родную империю, куда они могли совершенно спокойно проехать в любое время, «Черной руке» было совершенно точно не с руки.

Тем не менее «Млада Босна» достаточно солидно подготовилась к покушению и своими силами. Основной боевой единицей был, как ни странно, мусульманин Мухаммед Мехмедбашич. Если бы он не испугался, а метнул в эрцгерцога лежавшую в его кармане бомбу, обвинять в покушении сербов было бы нелегко. Но выступил следующий террорист – Неделько Габринович. Немолодой эрцгерцог сумел нейтрализовать эту опасность, отбив летящую бомбу зонтиком.

И вот в действие вступает резервный вариант. Обреченного сановника привозят прямо к кафе, где Принцип, слышавший взрыв, отмечает успех покушения. Гаврила прерывает трапезу, выхватывает браунинг (а не револьвер, как писали в газетах) и двумя выстрелами в упор убивает эрцгерцога и его жену, чешскую графиню Софию Хойтек. При этом одна из пуль попадает точно в глаз дракону, вытатуированному на шее Фердинанда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.